

алексею полеву, юле фридман, павлу гольдину, владимиру богомякову,
илье блажнову, мите щедрину, сергею соколовскому, ивану лахтурову,
владимиру никритину, марине шафеевой, ясне москаленко,
владимиру сабоурину, полине качулевой и всем моим мировым
друзьям, которые помогли мне укреплять веру и дух во времена
несчастий посвящается

НИКОМЕЯ

иногда, подруга, гляну в небе равно-сером
жидкие разводы клякс чужих потреб
а моя на них смотрится таким ущербом
как горелый пластик на сухой трухе

треба тут помянуть мне довольно стыдно
человек по сути честью честь поправ
редкая лягушка так споет про рыбок
рядом плыть возможно, но противно, как-то, бядь

нарисуй мне подруга радугу
а под радугой море белое
в том море жизнь бестолковая
кругами идет и трепещет

треугольным куском пряника
поделись хоть за краем света
там гуляет собака павлова
и спасибо скажет за это

за землей за крутыми скалами
мой милый живет-мается
нарисуй мне гору трехголовую
и лестницу луч платьяца

мне б обнять его ручкой ласково
прикоснуться к нему кожей шороха
только сердце совсем спряталось
кругами идет, трепещет

нарисуй не скупись золотом
красным золотом медью пламенной
а я лягу в могилу ладная
и зубами скрипну, последне

на тебе деточка цвет
можно покрасить полки
на полках ложи бред
будет мир из иголки

на тебе лапа змею
можно пригресть у паха
пахом стрелять в ответ
будет тебе заплаха

нате на блюдечке рай
можно намазать мылом
раем назвать край
будет крылом могила

небо ли небом полно
мирно ложись у края
тихо качает дно
ушко твое, мая

все уходили мимо
все заходили рядом
билась в ступенях жижа
плёскалась мармеладом

розовые в ладошках
маковые по жилам
кошки рубили кошек
рядом легли на рыло

вот - ты с кривой усмешкой
сколько их слил в прокладку
можно ли быть мартошкой
если хвоста не надо

есть ли над крышкой небо
было ли в банке мясо
было ли в мясе воздух
дух светлина и радость

я за тебя родимый
хоть и тебе не надо
это с небес прохожий
сыплется водопадом

вот тебе турка, маорка, араб
вот тебе мех лить вино с винограда
вот тебе руки и вот тебе нож
шкура врага - в ней чего не пихнешь

{жеж}

ре-ше

ше-ба

бе-ше

ри-жа

ве-ше

ба-ша

(о)

жа-ба

де-жа

ко-жа

вю-ша

че-ше

ма-ша

за

>жу<

>жа<

v

только небо только ветер
только плач со сна к рассвету

нам качели накачали
нам гулялки нагуляли
рыбный пень пустой накал
столько по миру пылял

были девочки а стали
бубы в гипсовом крахмале
жабы в розовой обертке

доставайте-ка отвертки
да точите палачи
жирные свои мячи

всех убить меня оставить
я и буду править

тики тики у меня

я что-то хотела написать, потом забыла
потом стало ясно что не написать даже, а так

тики тики одиночки у часов
крутят стрелочки-цепочки круг готов

еще у меня завелся целый сонм паразитных слов

текиток

над маленькими косточками воин неумышль
отплясывает танец костылями из ореха
и слышно рядом с тропотом лесным припева писк
и красен бубен лентами восточного рассвета

гора рождает раз между восходом и обедом
закат съедает всех кто не достал живьем до хребта

и пище смерть - желанная, желанная, приди
покрась в голимый цвет тропу поганца сыроеда
ведь у последнего один язык стрелы
и никакая тварь не смеет лечь в загон без меты

пройтись через холодные мосты
взглянуть под них на спящих акробатов
себя увидеть спящим среди них
с изломом нос и белая халатом

на сотни километров вдоль дорог
кирпичными забрами плесневая
и друг заместо руки сжал в кусок
кармана жабу и играет ею

а жаба та конечно непроста
в заушниках мелочного разлива
и хоть горчица зол пожатый сок
дороже сердцу блатного пигмея

и что с того что вижу в зеркала
на утро похмеливого шута
щупальцем тычет отражение

я помню про любовь и про волнение
на мостовых воды резной кипение
и хуй тебе, по старому, война

ты счастлив еще нынче, южин, у тебя прорезается смысл
то ли будет когда третий ряд и жертва уже в пути
ишь на малой тропе под леском три стакана – один из истин
так лови тридцать третим зубом а без копоти не обойтись

кое-чем ты пожертвуешь тут как положено всем прихотливым
милый мальчик которым был чуть подвешен уже под бревном
что тебе предлагали цари и чему не прописно было
карлик егерь зашел в тупик – твой выход и твой же пшик

мне нельзя было так говорить, но конец твой и ясен и близок
поверни свои перстни кругом и голубка на три взлетит
и до пуха ловец не смоги уберечь свою квелую мокрую вышку
уходи пока цел пока дом и детей не снеслось в передник

завтра утром тебя позовут и земля под тобой заколышет
царь потребует срок и ружье а за ним будет рвать дым ввысь
и тебе ли равняться с чертями не тебе опрокинуть канистру
с желтым маслом и кислым вином над могилой твоих псов

после жмельная бабка споет и накрест посеет пшеницу
а голубка кружить будет долго, ей кружить и кружить век
через век придет человек и припишет перьями птицы:
был охотник такой и сдох, и похуй, короче, всем

ознаки поганого крабу

а я и знаю тогошнего краба
проглотишь и ша, ловить не надо
дышу на воду, вода твердит
и краб уходит, уходит не кит
как женщина ростом в стотысяч зениц
как женщина остров за морем страниц
иди поближе смотри на звон
она тебя любит
но ты ли он?

накатило по рыло ходи не прощайся пустое мое вретено
тут карманщики шили и нечем покрыть даже дырки иных сигарет
я тебя не любила я думала только про время что времени слишком
сбереги свою белую кисть от прихода лови что возможно вслед

там где раньше водили друзей по сей день не пролезть не перелести
тока бабка сабачка вихляет дверьми ей некуда больше успеть
я себя не любила я пила вина и курила того чего нет
может боги простые такого простят им по приколу а мне фиг

по бульвару по спелой пыли начертали стихи насекомые крылья хрустят
их ходят и давят хорошие люди случайно не глядя вниз
небо жирное помня солнце воротит косматый лучами бред
уходя по бульвару вниз где камни спят

прожгло томление прореху
прошло да не перешло
мы ждем у дна и нам не к спеху
и дно дыряво как яйцо

а над волнами машет ручкой
не нам глумливый капитан
ссылая жизнь трухлявой кучкой
не в наш проплавленный карман

так список вежливых отметить
все жиже пашет мылом сетин
кончать исчерченных поэтин
необходимо побыстреть

прогуляю я тебя
там где тает бирюза
там где зодчих хоровод
провертел небесный вход

полюблю ли за кольцо
за нехожее словцо
за бесплодное рыданье
за попутное лобзанье

чахнет кустик за окном
заливали кипятком

слишком часто берегись
тише дольше уколись
на вретено на мое

оболевшая красавница
лужница и иностранница
я тебя и так беру

бесприданийца

ио

как львица жертву мягко обнимает
вонзая зубы в шерстяное горло
а жертва трепеща умильно тает
так солнце восполняется и тащит
сырую ночь рыча в свое логово
и жилу рвет ей голую на шее
соленой жижей наполняя чашу
лучами волосатыми вихляя
над океаном встанет и стоит
над ризой океанного зеркаля
пока там рыбы не сведут долги
проглотят космос встанут на колени
так боги любят нас своих растений

– то не жди –

у нас будут эфиры
парфиры хрустальный мед

у нас новый год впереди
недолет изумителен

попадая всегда просто так
в ништяное свое волокно

я клянусь моей матери птицей
все концом хорошо

саном живых
и мир деля

вы, я вижу, двойтесь, правитель
у меня же – манна и каша
а в каше – сто тысяч зерен
и каждое – небожитель, кажется

лапкою горн пожав
слезкою грязь утрев
жалости лень поймав
сладости ком

я ведь твоя давно
милого месь равно
сто миллионов рыб
прялок сплело

той без меня пожар
едкий телесный пар
жаба клоочет черт

чернь не поправь

было дело не до слез
до кумарных прежих гайстов
что на небо ложут воз
а на жопу тычат пальцо

я тобой совсем не знал
как продвинуть дело миров
так – теперь проведаль звяр
в так – помянул и прокинул

что тебе на ржавый кол
чай теперь дорога в падло
сгинь, пихнись пока ты цьол
там, где никому не надо

тук и там

на полу пищала каша
уй нещадна доля наша
обессудьте за дурло
то винцо

а кобылку пятипалую
раз подуите в ноздрю алую

таки

мюнхаузим
себя за жоп
раз-и-два-и-тре
але
оп!

так

там птица светит лицом
там ресницы
отмыты до серебра

текуч на быль и прибыль праг
и некуда маринку подевати

день до края не дошел
как в капусте пересел
там живут и роют ход
чревыи те что сердцем род

не ломом не цепями не убило
и не пером, сестра, меня пошило
дурным ударом пристальной косы

струя отхлынула, меня не смыло
лишь уносило лоск с ворох ресниц
кому двудельный трупик боевицы?

теперь любовь в бездарном черном ложе
что по ночам меня стрелой тревожит
и много ей, а даром хороша

скажи, сестра, куда звездой зашла
не обратило ей в струю
беззвучьего дремучего чернило?

мокрый мел не пишется
зыбкая доска
на винте зависнула
ниточка со сна

я по этой ниточке
ровно как пойду
лом в руках колышется
шансы на ничью

белая помада
скисла на губах
ухожу из ада
обращаюсь в прах

пустота уляжется
прах уйдет к звездам
лишь тебя сердешного
не увижу там

молитва про николая, сына звезды

боже будь со мной и тут
избави от боли
тяжкий жар далекий путь
маяться в неволе

пожалей не испытай
дочь свою звезду
сыновей не отымай
вот тебе мою

тебе кому
на ледоход
мне пряпокрыла вез

тебе тебе
еще кому
я белый камень чет

тебе еще
тебе кому
святлее сан

тебе тот пряпор
все теперь
твое

пуговка кнопка
зеленая точка
мелкая ртуть

уменьшает большого льва
да мог бы скушать
пологурца

безжалостнее дерева ази

не говори мне про любовь, сердешный
я верю жива и сердца песок
проводит слов беспечных в полростка
а половины шагом от клинка

я жильный ток, я волчая жена
я никомея, парус без крыла

не ветром шито, не осила

что им по ветрам
тебе по утрам

а там по сплошному венцу

что выкинул гам
качи нам в казан
куй в карман
лей в пизду

онулина
другарка
зараз

та что кинута
вчерашним
сном

так тебе по перям
то что каза
оказал
мерто
птям

луцифер ночь уже провожает
корчит постель
кровью поскольку ударом стреляет
некая шмель

лютая плюнь оловяно блестит
дико глаза выпивает моим
равно ей ветер-и-обруч свистит

луцифер пее

сколько крови для удара нужны
столько ей нужно в землю уйти
я из последних за мною сквозит
воскресенье

некогда немая тень

и то сказать – пора листать стропила
подтачивать листы
вздымать пора
свои пера на рост больного кита

на меру мира
в меру подобрал
говна и мыла
корыстью поправь
свои сточенные копыта
вещие рога

ты миру мера
милая смурна
ты никомея
месяца жена

и то тебе идет
коза мария

ты думаешь уходишь укрощаешь
ты укорачиваешь сток

обещаное с прошлым обвенчать
чтоб был урок прощенному глупцу

ты некий век нечеловечкам дан
юди, пока я пьян

КОЛЦО И СВИНЕЦ

плавни солнца вон сметало те дурманные холма
так – за жизнь семян упало птицы шалое дитя

так – ступала по перине синеуса буква а
было ветрено могилке

била птаха зла

не звезд уход идти в туман
но я – провинциал и гам
и мной не брезгует стакан
имея точек превосходство

домой – служения высотство
домой – дурак разбран

крошки в чистку воробьян

заимели угрожение
птыцой у себя домой

заебали навождением
я не твой, но ты-то мой

закрутили завертуна
коли был бы был бы свять

я тебе не птыца, кура,
я – болван, фолшифка

градгород

нет, не мигрень...

нет, не небо, а так, обретение вражье
не успел – не забил
не прокинул бокал
небывалая стая по белому пашет
непреложным полетом
двенадцатый вал

ведь король до двенадцати, после – пропащий
жаден город залижет
богатую клеть
и жена твоя бедная встанет гулящей
и пойдут пацаны
у войны умереть

нет, не боль, но подай мне свою чревоотчину
я в ней горлом зароюсь
как истый певец
и окнами по черному
сотвори свою вотчину
свой ковчег свой законченный
полный пиздец

по мере дел гуляю без привала
прогулка кажется тоскливым сном
ведь я себя изрядно затаaskала
прослав не всем изрядным должником

свернувшись вспять цветет туман – калина
не видно зарисованных углей
ведь я себя изрядно распустила
проспал рассвет да смылся соловей

вот так мерцает птицы половина
вторая спит у ангела в качель
ведь я себя с начала подубила
поди разгуливай дурак теперь...

ТОПЛЮ, ПЕКУ И СМЕТАЮ ПЕПЕЛ

арфата

в живот и в грудь и в черствое колено
в сырую пасть в глухую мякоть кукол
свистела кровь цветала роза вены
над океаном бился горький купол

не сумрачных селениях пробелы –
взвихренный внеобъятный горизонт
взметнулись ангелы обмякли стрелы
достигнув беспощадный свой резон

нет тут пока не сорвана зарница
и не сорвется бога уголец
свистит звезда и улыбает птица
мария вирха – облачен венец

стърчичовече

черното ходи по бялото
бялото ходи по цялото
цялото ходи по верното
верното връща се в черното

грустно ведь и крыть и не угнаться
полземли подмяло и не хватит
партия чудесного подрядца
армия гулящих телепатий

было б мыло в глаз могла бы плакать
была б морда кровью бы умылась
да не стало колких слов заплата
и укрылась – то есть улыбилась

так лисичка в праведном обличье
так кума в обшмотанном подряде
ржа да вошь гуляют веселитца
жилы под струну – гони прокатим

были бы дрова была бы хата
было утро сутошным обломом
вот и я пишу из заграницы
а границ не знаю

слишком сложено

декапитато

бессильны через дверь пройти впрямую
дверь стала нам петлею мыло тает
дверь крутит выжимая уплотняет
язык чернеет пухнет нарастает
язык толстеет нацепляет галстук
с мясного магазина корчит агнец
взакуску – синий коченелый мускул
бессильны перейти до перекрая
той плоти в загустевших серых жилах
нам остается не обезглавленное дыхание
и остается нам не смысл без раздумий
не тот кто никогда не будет истиной
а в нем конца и нет совсем

напрасно

